

18+

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КНИГА

НАПИСАННАЯ
ИНОПЛАНЕТЯНАМИ

БЕРТ АНДРО

Андро Берт

Человеческая книга

«Издательские решения»

Берт А.

Человеческая книга / А. Берт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987528-0

На никому не известной станции усердно трудятся особенные существа: их главная цель — это изучить людей от и до и доказать, что никакого сознания у них не существует. Один из представителей таких существ желает добиться больших вершин в своей карьере и просит себе особое исследование. Однако в итоге оно заставляет его полностью поменять свои взгляды на происходящее вокруг и на проект, который так усердно пытаются выполнить существа его расы.

ISBN 978-5-44-987528-0

© Берт А.
© Издательские решения

Содержание

Начало исследования – объект 358А-Г-М	8
Пер-АПА	11
Объект 358А-Г-М	14
Пер-АПА	17
Объект 213Г-Ш-Ш	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Человеческая книга

Андро Берт

© Андро Берт, 2020

ISBN 978-5-4498-7528-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я пометил что-то в блокноте. Машинальное движение, привычка, рефлекс – выработано до максимума за все три года, что я здесь работал. Человек поднял голову, но не увидел меня, и я снова записывал что-то в блокнот. Проглядел свои записи: «Растерянность, суженные зрачки, тревога». Нарисованные глаза. Я закрыл блокнот.

– Достаточно.

Свет в комнате выключился, и человек невольно погрузился в сон. Медсестра ввела ему сыворотку в шею, и я ушёл. Когда она проходила мимо, подмигнула.

– Подожди, – остановил её я.

– В чём дело, Номер Один?

Я смотрел в её синие без зрачков глаза. Отвёл взгляд, почёсывая нос.

– Ничего, Номер Два. Просто хотел сказать, что ты хорошо поработала.

– Спасибо! – радостно улыбнулась она, обнажив синие зубы. – Вы тоже были на высоте, Номер Один.

– Спасибо, Номер Два. Извини, что задержал. Иди.

Она ушла, улыбнувшись на прощание, стараясь скрыть раздражение от моего повелительного тона. Она постоянно так делала. Ей не нравилось со мной работать.

Я сел в мягкое колючее кресло, чувствуя, как иголки вонзились в кожу, и удовлетворённо прикрыл глаза. Массаж – разве не чудо-средство против переутомления? Или – как бы я написал в блокнот, если бы наблюдал за уставшим человеком – лучше сказать, некая апатия, а не переутомление.

Встал с кресла и направился на выход.

Если вы подумали, что меня зовут Номер Один – это не так. В комнатах исследования имена не используются, нужно называть другого так, как этого требует его статус на данный момент. Например, я был главным исследователем – наблюдающим, и я – Номер Один. Медсестра была провокатором, то есть она – Номер Два.

В общем-то, в комнате исследования только два главных Номера, а остальные делают всякую компьютерную работу, которая, конечно, важна, но не настолько, как работа наблюдающего и провокатора.

На мой взгляд, я бы называл Номер Один провокаторов. Они делают гораздо больше работы, чем наблюдающие. Они разговаривают с людьми. Они сами притворяются людьми.

Мне кажется, они очень храбрые. Это глупо, но при мысли о том, что я буду притворяться человеком и разговаривать с настоящим, меня пробирает дрожь.

В любом случае, моя работа мне нравилась. Правда, очень. Однако...

– Три года, Вин де Ойл. Это слишком, тебе не кажется?

Мой друг работал в комнате исследований уже четыре года, но его постоянно повышали, давали премии и тому подобное.

Но я... я работал там три года, и меня ни разу не повысили. Никаких премий, почётов, дополнительных заданий, о которых я так мечтал.

– Осторожнее с желаниями, друг, – лишь ответил тот, просматривая записи в блокнотах.

Я заглянул ему через плечо, увидел слово «любовь».

– Любовь? – поднял бровь я.

Вин де Ойл резко закрыл блокнот и нахмурился.

– Прекрати. Это против правил – помогать друг другу. У каждого есть своё исследование.

– Я же просто спросил.

Он хмуро отвернулся. Какое-то время мы молчали.

– Так, значит, серьёзно любовь попалась? – осторожно поинтересовался я.

Вин де Ойл раздражённо вздохнул, цокнул синим языком и кинул блокнот на стол.

– Да.

– Сложно, да?

– Да.

– Давно исследуешь?

– Неделю. Почти близок к разгадке.

– И что? Есть причина?

– Конечно, есть. У них всегда есть причина.

– Как же предсказуемо.

– Звучит разочарованно. Осторожнее, а то я подумаю, что ты стал гуманнее к ним относиться.

– Немного неуместно использовать это слово. И я вовсе не разочарован. Скорее, завидую.

Тебе попадают такие интересные исследования.

Вин де Ойл кинул на меня косой взгляд, думал – ударить меня или воздержаться? Воздержался.

– Можешь не нагружать мою систему своими назойливыми вопросами? Подойди к Вышке и скажи всё, что говоришь мне.

– Ты что, серьёзно?

– Ну, естественно.

– А, знаешь, я так и сделаю. Так и сделаю.

Вин де Ойл кивнул, не слишком уверенный в моих словах (собственно, как и я), и я ушёл.

Так странно, что среди наших существует такое клеймо, как «неудачник». После того, как они начали изучать людей, они стали говорить, как они. Глупее может быть только то, что это клеймо – на мне.

Естественно, в лицо они этого не говорят – удивительно, ведь также делают люди. Я понимаю, если бы нерабочие сказали бы какое-то оскорбление в лицо наблюдающему, им бы не сулило ничего хорошего. Но коллеги, высшие по званию и другие могут говорить мне всё, что хотят, – и всё же говорят за спиной.

Наверное, стоит сказать, что я реконструирую мою речь под вашу, дорогой читатель. В случае, если вы не человеческой расы и не моей, то, прошу прощения, я не знаю других языков.

Я зашёл к Вышке. Он тут самый главный, так что и зовётся Вышкой. У нас всё просто. У нас на всё есть причина. У нас нет сознания, непостоянного и непонятного, у нас есть система – чёткая, выработанная и безошибочная.

Поэтому мы пытались их понять – людей и их сознания, их тайны и души. Мы просто искали причины в их поведении, причины, почему они делают так или иначе, ведь если причин нет – это необъяснимо, а мы не любили необъяснимые вещи.

Так что я предпочитал считать, что люди предсказуемы. Люди бы назвали это «самовнушением», но это понятие мы уже давно изучили.

Мы уже так долго их изучаем, что почти убедились в отсутствии их сознания. Я лишь удивлён, что это заняло так много времени.

Система Вышки была сосредоточена на том, чтобы управлять другими. А ещё он всегда говорил правду.

– Никто из более высоких уровней не хочет с тобой работать.

Я притворился, что меня это не задело – странное знакомое ощущение, которое тоже давным-давно изучено.

– Но это же глупо. Я профессионал. Я работаю в этой сфере три года и могу брать более сложные исследования.

Хотя, наверное, если бы я знал, что мне дадут её, то отказался бы. Я бы работал до конца расхода системы (жизни) без повышения, сосредотачиваясь на надоедливых заданиях о «грусти» или «удивлении». Короче говоря, продолжал жить своей обыденной размеренной жизнью, уверенный в своих убеждениях.

Но я не знал.

– А знаешь что? – проговорил Вышка спокойно. – Да. Я согласен. У нас тут как раз есть одно исследование. Сложное. Все отказываются от него, как только берутся. Они не могут его решить. Сомневаюсь, что у тебя получится, но, если выполнишь, повышу тебя до уровня твоего соседа Вин Де Ойла.

Когда я увидел её, то подумал: «Вроде ничего сложного». Она была обыкновенной. Она ничем не отличалась от других. Они все были похожи, они все были на одно лицо.

Мы наблюдали за ними в их естественной среде обитания. Мы следили за ними, если можно так выразиться. Мы изучали их, когда они не знают, что их видят.

Начало исследования – объект 358А-Г-М

Когда я зашёл в лабораторию, то в первую очередь удивился тишине, царящей внутри. Никого не было внутри: ни наблюдателей, ни провокаторов, ни компьютерный работник. Это было удивительно для двенадцати часов дня (время переведено автоматически для человеческих читателей), ведь именно это время считалось пиком работы.

Дальше мне предстояло удивиться тому, как вокруг было темно. Лишь пару красных огоньков от техники, говорящих о том, что все аппараты находятся офлайн.

Позже мне казалось, что все эти мелочи специально удивляли меня, будто готовя к ещё большему удивлению. Когда я включил свет, махнув рукой перед сенсорной панелью у двери, и когда другая панель, намного больше, появилась на другой стороне комнаты, я застыл. Я увидел объект исследования.

Даже не знаю, что меня больше удивило, – то, что она показалась мне ничем непримечательной, учитывая сложность её исследования (по словам Вышки), или то, что она смотрела будто бы прямо на меня.

Однако, естественно, последнее было невозможно. Проясню: та панель, на которой я её увидел, была своего рода «телевизором» (слово взято из человеческого орфографического словаря, автоматически приближенное значение для человеческих читателей).

Наши технологии позволяют следить за человеческой расой в их естественной среде благодаря таким телевизорам, невидимо для людей помещённый в их личное пространство.

Если вы человек, то, возможно, подумаете, что мы следим за вами с помощью камер, но нет. Личное пространство – это энергия, окружающая вас, а наш «телевизор» способен прицепиться к этой энергии с помощью заряженных, созданных нами микроскопических частиц.

Таким образом, исследуемые люди всегда под нашим наблюдением.

Но не буду нагонять скуку, как говорят люди.

Объект исследования просто не может увидеть наши «телевизоры» и не может сознательно понять, что за ним следят.

Поэтому я и удивился, естественно, по глупости и неготовности к увиденному, подумав, что мой объект исследования обнаружил этот телевизор и смотрит прямо в него.

Сглотнув, я взял себя в руки. Невозможно глупо! Я опять испугался людей.

Тряхнув головой, я прошёл вперёд, ближе к панели, и взглянул на объект. Это была представительница женского пола. Она всё ещё смотрела перед собой, будто бы на меня, своими странными серыми глазами, и, не буду скрывать, от такого взгляда меня до сих пор немного мучала непонятная тревога.

– Балбес, – сказал я вслух, изобразив своего соседа Вин де Ойла, и старался успокоить себя звуком своего голоса.

Но в тишине лаборатории мой голос показался мне странным и неуместным. Я удивился тому, что до сих пор не смог сосредоточиться на исследовании.

Я смотрел прямо в глаза объекта и, наконец, понял, что бояться его бессмысленно. Почувствовав неизбежную власть, которую мы всегда чувствовали над людьми, изучая их, я достал свой блокнот.

«Женский пол. Глаза ярко-голубые».

Я снова присмотрелся к женщине и дописал:

«Пустые».

Это было странно, так как я обычно не использовал эпитеты к описанию внешности человека.

Но взгляд голубых глаз казался мне непривычно безжизненным и каким-то знакомым.

«Волосы чёрные. Цвет кожи – белый. Раса – европеоидная».

Мы записываем это исключительно для протокола и, скорее, для запоминания, если у нас много объектов исследования. Взглянув на слово «пустые», я нахмурился и зачеркнул его.

Убрав блокнот, я достал папку, которую дал мне Вышка. Там были некоторые данные, которые уже выяснили те, кто работал до меня, а также цель исследования.

Я повернулся спиной к панели и начал читать.

«28 лет. Получила высшее образование. Работает в офисе бухгалтером уже четыре года. Кроме работы ничем не занимается. Ни друзей, ни любовных отношений. После работы приходит домой и просто лежит».

Я не нашёл в этом ничего особенного. Но, взглянув на цель исследования, нахмурился.

«Цель исследования: выяснить, почему объекту не надоедает однообразие, как другим представителям человеческой расы, а также выяснить, почему она не нуждается в человеческом общении при долгом отсутствии данного».

Я закрыл папку. Обернувшись на панель, увидел, что объект действительно лежал на кровати и ничего не делал. Я взглянул на верхнюю часть панели, где была написана дата (автоматически переведённая для человеческих читателей): тридцатое сентября, суббота.

Возможно, у объекта был выходной. Я почувствовал странное чувство. В блокноте я написал бы «раздражение».

– Извини, Вышка, можно задать пару вопросов?

Вышка устало взглянул на меня, но с таким видом, будто знал, что я зайду через двадцать минут после того, как получу новое исследование. Он кивнул, стараясь сосредоточиться на делах, которые делал в сенсорном дисплее компьютера.

– Я хотел спросить, кто будет провокатором в моём новом деле. Ну, исследование номер 358А-Г-М.

Вышка поднял на меня жёлтые глаза.

– Ты.

У меня аж дыхание сбилось.

– Я? Но я наблюдатель. Номер Один.

Вышка вздохнул, оторвавшись от дисплея.

– Ты и Номер Один, и Номер Два. Как я уже сказал, все отказались от этого дела. К тому же, опять же, как я уже говорил, никто не хочет с тобой работать.

– Но разве так можно? – испуганно пробормотал я.

– Разумеется, можно, просто мы давно не использовали методику «Два в одном», так сказать.

Он решил, что мои вопросы исчерпаны, и ждал, пока я уйду. Я не уходил. Вышка смотрел на меня исподлобья, пытаясь понять, чего ещё мне от него надо. Это был странный момент: мы всегда говорим систематически, чётко, конкретно, чтобы не вызывать непониманий. Но я не мог ничего сказать. Моя система начала работать плохо.

– Разумеется, у тебя будет больше времени на это исследование, чем обычно, – добавил Вышка, подумав, что дело в этом.

– Мне... придётся самому идти к объекту? – спросил я наконец.

Вышка принял информацию правильно.

– Я вспомнил. Ты ещё не работал Номером Два.

Не то, чтобы Вышка мог забыть об этом, просто он об этом и не думал.

– Ну, ты же прекрасно знаешь всю систему действий провокаторов. Пришло время практики. Расписание провокаторов попроси у Пер-АПЫ.

Всё становилось хуже и хуже. Страх от встречи с настоящим человеком вызывал у меня дрожь. Я слышал, что такое случается с некоторыми начинающими провокаторами, но это считалось унижительным и неправильным.

Я никому не сказал о страхе. Я хотел сказать Вин де Ойлу, когда заходил в комнату за своим априкатором (это специальный, поддерживающий жизнь аппарат для нашей расы, вроде бутылки воды для людей), но он не заговорил со мной, а я – с ним.

Но ещё унизительнее было бояться встречи с Пер-АПОЙ. Это была самая старая и самая опытная провокаторша на нашей станции. Никто не знал расшифровки её имени, как и её личной истории (или, как мы ещё называем, временной жизнедеятельности), но все её уважали.

На её счету невероятно много исследований. Она настолько профессиональна, что бралась исключительно за самые сложные.

Я боялся встречи с ней не просто потому, что чувствовал себя «неудачником» рядом с таким профессионалом, но и потому, что она могла *почувствовать*. Она могла почувствовать, что я боюсь.

Пер-АПА

Пер-АПА практически жила в лаборатории. В любом случае, я всегда видел её там, в её собственной лаборатории, где она иногда проводила курсы для начинающих провокаторов. Я уже начал думать о том, чтобы тоже как-нибудь сходить на них, но потом я представил, как это будет унижительно, и отбросил эти мысли.

Окна в лаборатории Пер-АПЫ были затемнены. Обычно такое случалось, когда она была полностью погружена в работу и накидывалась на любого, кто посмел ей помешать. Поэтому я благоразумно решил зайти попозже, но только я сделал шаг в сторону, как окна вдруг просветлели. Я бы сравнил это с табличкой «Открыто» и «Закрыто», какие обычно висят на людских магазинах (но никому не говорите, что я привёл такое сравнение).

Уже глупо обрадовавшись, что мне не придётся унижаться перед профессиональным провокатором, я замешкался. Уже всерьёз начал думать о том, чтобы отложить эту встречу и уйти, как вдруг панель рядом с дверью в лабораторию издала звук включения, и я услышал резкий сухой голос:

– Я тебя чувствовать. Заходить.

Я слышал, что Пер-АПА была родом из другой планеты и что она так и не научилась полностью нашему языку. Обычно мы не принимаем на работу в станцию представителей из других планет, но когда-то у Пер-АПЫ был напарник (для человеческих читателей автоматически приведено сравнение – муж), который являлся Вышкой. Он уже давно умер, и после него уже много раз сменилась Вышка, но Пер-АПА благодаря нему смогла стать отличным работником и частью нашей команды. Я бы даже сказал, она перегнала всех нас по опыту.

Услышав её властный голос, я замешкался ещё больше.

– Ну? – с явным нетерпением снова сказала она, и я приложил палец к панели, чтобы Пер-АПА смогла опознать меня и впустить.

– Сентябрь? – хмуро спросила она, послышался звук, и дверь открылась.

После того, как я зашёл в лабораторию, дверь за мной закрылась, а окна снова потемнели. Я был удивлён, что ради меня Пер-АПА поставила режим «Не беспокоить».

Пер-АПА ушла из панели и перешла в свою «коробку» (как она сама это называла). Ах, да, простите – Пер-АПА была роботом.

Точнее, она жила в виде робота. Ей было уже более ста пятидесяти лет (переведено в человеческие мерки), но когда-то, когда ей исполнилось шестьдесят (по человеческим меркам), она приказала поместить её мозг в аппарат, который она создала сама.

Она создала для себя электронный, невидимый для всех дом. Её сознание имеет доступ ко всем электроприборам, которые позволяет ей использовать Вышка, а её оболочка – большое обыкновенное металлическое тело робота, которое Пер-АПА называет «временной коробкой».

Это женское существо полно загадок, и известны они лишь тем, кто жил с ней в то время. Но сейчас лишь немногие остались в живых с тех пор, а она заслужила достаточный авторитет, чтобы не раскрывать свои тайны и оставаться доверенным лицом.

– Что ты хочешь от меня? – грубо спросила она.

Её металлическое тело не могло двигаться. Оно стояло посередине лаборатории таким образом, чтобы всё нужное для работы оказывалось перед глазами, однако вся её работа проходила в невероятном электронном мире, где, в свою очередь, её сознание могло путешествовать так, как хочет, без ограничений.

– Я хотел бы узнать расписание провокаторов, – сказал я достаточно спокойно.

Пер-АПА замолчала, и я слышал, как она покинула металлическое тело. Её передвижения можно было отследить лишь по небольшим искрам, идущих от тех электроприборов, в которых она была, но эти искры появлялись не всегда. В новой технике их вовсе не было.

Её голос прозвучал позади:

– Я тебе распечатать.

Послышался звук печатной машинки, и я обернулся, увидев распечатанный листок, выползающий из аппарата.

– Спасибо.

Я быстро схватил листок и собрался уходить, но Пер-АПА переместилась в дверную панель и вдруг заперла дверь.

– Почему ты так бояться, Сентябрь? – послышался её подозрительный холодный голос из панели.

Сентябрь – это моё имя. Возможно, людям это имя покажется странным, но об этом позже.

– Это мой первый раз, – пришлось признаться мне.

Я услышал её издевательский смех.

– Маленький мальчик бояться. Как трогательно.

– Очень смешно. Почти по-человечески. Можно идти?

Я приложил палец к панели, но она не открыла дверь.

– Ты грубиян, но я хотеть поговорить. Набраться терпения, или я ударить тебя током. – Она любила так шутить, но обычно никто не смеялся, кроме неё. – Я знать, что остальные говорить о тебе. Но они не понимать, что мы становиться людьми, когда решить изучить их.

Я не очень понимал, о чём она говорит. Но потом я вспомнил, что я думал раньше. О том, что мы начали вести себя, как наши объекты исследования.

– Вы читали мои мысли?

– Нет, идиот. Я видеть тебя, когда ты проходить мимо моей лаборатории каждое утро. Я обратить на тебя внимание неделя назад.

Я молчал, ожидая продолжения. Я совершенно не ожидал такого разговора.

– Я хотеть сказать, что я тоже так считать. Надеюсь, твои жалкие синие извилины понять.

Панель издала звонкий звук, и дверь открылась. Я не стал задерживаться в этом странном месте и вышел, сжимая в руках распечатание. Дверь за мной резко закрылась. Я слышал, как Пер-АПА снова подключилась к металлическому телу.

Расписание

«Провокаторы имеют право идти на контакт в любое время только после того, как достаточно изучат объект для того, чтобы понять, когда контакт будет необходим.

В другом случае (например, необходимости попасть в зону объекта не для контакта, но для установления этого в будущем) есть универсальное время:

– 6:00

– 12:00

– 14:00

– 15:30

– 18:00 (особенно для целей, связанных со сливанием с толпой)

– 22:00

В другое время частоты недостаточны и нежелательно совершать переключение и трансформацию»

Я перечитал расписание сотни раз, сидя в лаборатории. Я пытался отложить своё новое исследование, делая старые, но я закончил их очень быстро. В итоге, у меня не осталось исследований, кроме 358А-Г-М, то есть нынешнего, и другого, связанного с депрессией, но уже практически решённого. И то, и другое исследование мне почему-то делать не хотелось.

Исследование про депрессию под номером 213Г-Ш-Ш было настолько нудным и неинтересным, что я просто устал от него. А нынешнее пугало меня, и я устал от того, что отрицаю это.

Разговор с Пер-АПОЙ не задерживался у меня в мыслях надолго. Она всегда была странной, сложной системой, которую не все могли решить.

Я больше думал о том, как буду переключаться.

Обернувшись, я взглянул на панель «телевизора». Объект всё также лежал на кровати. Я взглянул на электронные часы у себя на запястье: «14:47» (переведено для человеческих читателей). Чем-то эта представительница женского пола была схожа с тем представителем мужского, которого я изучал в деле 213Г-Ш-Ш.

Такая же нудная.

Объект 358А-Г-М

Я изучал объект до вечера. Она вставала с кровати лишь трижды и только для того, чтобы удовлетворить человеческие потребности: в основном, в голоде. Как-то у неё зазвонил телефон, но объект не ответил. Я записал это в блокнот. Я также записал, что она ела, просто от нечего делать: макароны, странная куриная лапша быстрого приготовления, сэндвичи и горох из консервной банки.

После еды она снова ложилась на кровать и ничего не делала. Иногда она переворачивалась на живот или на бок.

Я частенько отходил за априкаторами или ещё за чем-либо, чтобы отвлечься от скуки. В 22:00 (переведено для человеческих читателей) я уже хотел идти в свою комнату и готовиться к завтрашнему переключению, но тут объект встал и начал переодеваться.

Она быстро оделась и вышла на улицу. Я был удивлён. Я был уверен, что это продвижение в моём деле. Возможно, я сейчас узнаю об объекте нечто новое, и мне не придётся завтра идти на контакт. Я даже думал, что она начнёт с кем-нибудь общаться из её расы, тогда бы и цель исследования оказалась бесполезной.

Но всё оказалось иначе. Погуляв час по парку возле её дома, она ни с кем не пересекалась и молча бродила. После прогулки она вернулась домой и легла спать.

Я был разочарован. Но также я был удивлён, что не смог этого предвидеть.

Я проснулся в 5:30 (переведено для человеческих читателей) и пребывал в странном состоянии. Вин де Ойл ещё спал, когда я мыл свои плечи (просыпаясь, мы всегда так делаем). Я был уверен, что объект 358А-Г-М ещё спит и на этот раз угадал.

Зайдя в лабораторию и включив панель, я увидел, как она пускала слюни на свою подушку. Никак на это не отреагировав, я вышел. Зашёл в другую лабораторию с моим объектом под номером 213Г-Ш-Ш, но он тоже спал. Люди вечно спят.

Тогда я занялся подготовкой к контакту, снова прошёл в лабораторию номера 358А-Г-М и нажал на панели кнопку «Переключение». Окна автоматически затемнились, и я вспомнил разговор с Пер-АПА, но снова не стал задерживать на этом мысли.

Открылась другая панель, панель переключения. В ней было много кнопок с необходимыми условиями для трансформации. Я нажал на «Внешний вид». Испугавшись, увидев себя человеком, я поморщился. Без синей кожи и других некоторых особенностей моего тела и его строения, например, двойных ушей и других таких мелочей, я выглядел практически как они.

Странно, я никогда не смотрел, как выглядят провокаторы в человеческом обличье. Как они выбирают свой внешний вид?

Я растерянно нажал кнопку «Причёска». Мой внешний вид был устроен по умолчанию, то есть причёска, лицо и тело оказались такими, какими бы они были, если бы я был человеком.

У меня появились светлые, густые волосы и даже прямые брови, которых раньше не было. Нос мой остался таким же, а губы стали немного пухлее и розовее.

Я сделал причёску короче, чтобы волосы не мешали, а затем сохранил внешний вид. Я не знал, устраивает меня он или нет, но даже если и не устраивал, то я всё равно не знал, что сделать, чтобы было лучше.

Я понажимал ещё пару кнопок, установил необходимые настройки, прочитал правила поведения. Я был готов.

Три часа я занимался другими делами, стараясь отвлечься, а затем мои часы завибрировали. Это означало, что объект начал что-то делать.

Вернувшись в лабораторию, я увидел, как она вставала с кровати. Я сел в кресло перед панелью, взяв в руки априкатор, который только собрался использовать.

Объект потянулся. Зевнул. Всё как обычно. Она обернулась, потянулась за своим телефоном и кому-то позвонила. Я встрепенулся, отложил априкатор и схватил свой блокнот.

– Ало? – у неё был сонный, равнодушный голос, немного хриплый от долгого молчания. – Я хочу заказать пиццу.

Я записал в блокнот «Пицца» и ждал дальше.

– Я хочу грибную. Две. Нет, три. Нет, две грибных и одну сырную.

Я записал всё, что она сказала, нарисовал стрелку и подписал «возможно, вегетарианка».

Она начала диктовать свой адрес, но он мне был совершенно не нужен. «Телевизор» всё это отслеживает, любое местоположение.

После того, как она заказала, объект пошёл в ванну. Разделась, залезла под душ. Она мылась около получаса, играясь с пеной, а потом просто сидела под струями и ничего не делала.

«Долго принимает душ».

Когда зазвонил звонок её квартиры, она подскочила, чуть не поскользнувшись, вылезла, укуталась полотенцем и побежала к двери, прихватив из кармана куртки деньги.

Молча отдав деньги доставщику, она забрала пиццу и резко закрыла перед ним дверь. Положила пиццу на стол в кухне и вернулась в душ.

– Неудивительно, что на Земле истощаются запасы воды, – усмехнулся я.

Я посмотрел на часы. «11:49». Тут мне пришла в голову идея, пугающая, но полезная для продвижения.

Я встал перед панелью «Переключения» и нажал кнопку «Инструменты». Написал «Грибная пицца» и приложил фотографию той пиццы, которая лежала на столе объекта. Из аппарата, стоящего в углу лаборатории, через минуту появилось то, что я написал.

Наши технологии в лаборатории идеальны. Они созданы для изучения людей, и неважно, какие средства нужны для этого.

«11:54». Объект всё ещё был в душе. Я нажал на кнопку «Внешний вид» и изменил его. Подождал шесть минут, затем сделал глубокий вдох и нажал кнопку «Переключиться». Вихрь подхватил меня. Я оказался по ту сторону экрана.

Это было невероятно. Я взглянул на свою изменившуюся руку, державшую пиццу, и на ноги в джинсах. Дотронулся до щеки, почувствовав мягкость вместо шершавости.

Я мог бы изучать себя бесконечно, но сосредоточился на задании. Я стоял прямо перед дверью в квартиру объекта и нажал на звонок.

Минуту мне никто не открывал. Послышались быстрые шаги, вода прекратила литься. Громкий стук и ругательства. Что-то упало. Снова ругательства. Я ждал.

Ещё минута, и она открыла дверь. Она снова была в полотенце, её чёрные мокрые волосы липли к лицу, но не закрывали вопросительного взгляда ярких, но удивительно безэмоциональных глаз. Объект взглянул на пиццу у меня в руках и нахмурился.

Я поспешил сказать, изменив голос:

– Это квартира 96?

Это была другая квартира. Я ждал реакции объекта.

– Да, – спокойно соврала она.

– Вы оплатили онлайн, – сказал я, протягивая пиццу.

Она растерянно приняла её и, взглянув на меня ещё раз, закрыла перед носом дверь.

Я отошёл подальше от её двери, достал блокнот и записал «Не стесняется врать. Возможно, достаточно эгоистична».

Затем нажал на кнопку на часах, и вихрь снова подхватил меня, вернув в лабораторию. Тут я наконец перевёл дух. Мне удалось держать себя в руках и скрывать страх при контакте с объектом. Но я боялся. Очень боялся. И я понимал, насколько это глупо. Разве это не она полностью в моей власти?

Я отбросил пугающие воспоминания о недавнем контакте. Подошёл к панели «Переключения», нажал «Внешний вид» и снова поставил по умолчанию.

Объект поднимал упавшие шампуни в ванной. Пицца, которую я ей передал, уже лежала на столе рядом с остальными.

Я подождал десять минут. Затем, снова сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, нажал на кнопку переключения.

Вихрь. Я перед квартирой объекта. У меня запотели ладони. Физически это было невозможно в моём истинном обличье. Но, видимо, в человеческом мой страх преобразовался в этот пот. Интересное явление. Надо изучить.

Сосредоточившись и стараясь не бояться, я нажал на звонок. Нахмурил брови. Плыли шаги.

– Кто опять? – открыла дверь она раздражённо.

Изучила меня непонимающим взглядом. Я продолжал хмуриться.

– Здравствуйте. Я из квартиры 96.

Она вздрогнула, нахмурилась почти так же, как я.

– Я звонил доставщику насчёт пиццы, которую заказал. Он сказал, что уже отдал её какой-то брюнетке в полотенце. Это случайно не вы?

Она молча отошла куда-то, очевидно, на кухню, и вернулась уже с той самой пиццей. Протянула её мне и грубо всунула в руки. Затем собиралась закрыть дверь. Я успел подставить ногу.

– Даже не извинитесь? – обаятельно улыбнулся я, как нас учили на уроках.

Она нахмурилась ещё больше, толкнула мою ногу и резко захлопнула дверь.

Я стоял, удивлённый и растерянный, прямо как человек.

Пер-АПА

Днём, часа в четыре по человеческим меркам, ко мне в лабораторию внезапно зашёл Вин де Ойл. Он не обратил внимания на то, каким я был растерянным и озадаченным. Я всё ещё ломал голову над тем, почему объект не сказал мне ни слова.

– Тебя зовут, – сообщил Вин де Ойл, и я внезапно понял, что и сам мой сосед какой-то озадаченный.

Я вышел из лаборатории, оглянувшись на объект. Она доедала сырную пиццу. Грибную она съела утром наполовину.

– Кто зовёт? – спросил я у Вин де Ойла.

– Пер-АПА.

Я удивился. Вин де Ойл недолго ждал от меня объяснений, потому что знал, что их не будет, так что почти тут же ушёл.

Я двинулся к лаборатории Пер-АПЫ. Мне стало тревожно. Сразу вспомнился наш прошлый разговор, и все мыслительные процессы по поводу этого, которые я откладывал, мне пришлось тут же принять на себя.

Мысли об объекте сразу пропали. У нас есть свойство: если думаешь о чём-то одном, другое совершенно не занимает мыслительные процессы. Мы умеем сосредотачиваться.

Подойдя к нужной лаборатории, я приложил палец к панели. Окна были светлыми.

– Сентябрь, какой долгий ты. Заходить.

Дверь открылась, я зашёл, и окна стали тёмными.

– Зачем вы называете меня по имени? – спросил я с сомнением. – Это знак уважения.

– О, нет-нет. Не думать, что я тебя уважать, неудачник. – Она рассмеялась, переходя в своё металлическое тело. Красный огонёк внутри робота стал зелёным. – Просто меня раздражать все эти ваши норма, этикет.

– Поэтому вы так грубы? – осмелился спросить я.

Она снова расхохоталась своим скрипучим, немного жутким смехом. Мы редко смеёмся, а, точнее, почти не смеёмся, но Пер-АПА росла на другой планете. Некоторые представители нашей расы считают её странности прелестными. Они так и говорят. «Прелестные».

Вы могли понять, что я не один из таких любителей «прелестных странностей».

– Нет, я не грубить, это вы считать, что я груба. Для каждого свои правила, правильно я говорить? Я знаю, что ты согласен. Ах, да. Я звать тебя, чтобы спросить о Дженни.

– Какой Дженни?

Она громко и натянуто устало вздохнула.

– Я так и знать! Вы, идиоты, никогда меня не слушать. Я же говорить, что нужно узнавать имя.

– Имя? – Я быстро понял, о чём она. – Дженни – это имя моего объекта 213Г-Ш-Ш?

– Идиот! Нет! Это женский имя!

– Объект 358А-Г-М?

– Я сейчас ударить тебя током!

Зелёный огонёк робота стал красным, и провода, в которые перешла Пер-АПА, оказались прямо возле моих ног. Я отступил.

– Не понимаю, зачем вы так трепетно к этому относитесь.

Она издала раздражённый вздох, перешла обратно в робота.

– Имя – это важно! Вы писать все эти глупые вещи вроде расы и цвета кожи... Нужно узнавать другие, личные вещи. Я каждый раз учить, но вы не хотите узнавать имя.

– Мы сами даём им имена. Номера.

– Идиот! Ты не понимаешь. Ты сам говоришь, называть по имени – знак уважения. Вы втираетесь в доверие к людям, но они чувствуют, что вы не уважаете их.

Я признал, что в её словах был смысл. Мне снова захотелось посетить её курсы. Я достал блокнот, написал «Дженни». Пер-АПА это оценила.

– Молодец. Может, ты не такой идиот, как я думал. А, впрочем, я думал, что все идиоты, кроме я.

Она снова рассмеялась.

– Что вы хотели спросить о... Дженни? – спросил я спокойно.

Пер-АПА перестала смеяться.

– Я знаю, что это тяжелое дело. Я иметь доступ почти ко всем делам и лабораториям.

Я терпеливо ждал продолжения.

– Я хочу узнать, как продвигаться твой успех.

– Не слишком прогрессивно.

– Я знаю. Я следить за панелью.

– Зачем вы тогда спрашиваете?

– Проверить твою честность.

Это было бессмысленно. Ложь не имеет смысла среди нашей расы. Мы всегда говорим правду, но разве что только если нас спрашивают.

Пер-АПА казалась мне всё страннее и страннее с каждой минутой. Мне вдруг подумалось, что она совершенно ничего не знает о нашей расе, хотя, по слухам, наполовину является её частью.

Возможно, её необычное незнание появилось от того, что она постоянно работала с людьми и редко пересекалась с представителями нашей расы. Она поглощена работой. Она поглощена людьми.

Да, определённо, дело в этом.

– Я представлять, что ты думал, – вдруг сказала Пер-АПА. – Думать, я сходить с ума по людям. Думать, я сходить с ума.

– Нет, я так не думал. У нашей расы никогда не было проблем с психикой.

– Ах, ладно. Я устал от твоей нудной речи. Я просто хочу сказать, чтобы ты говорил мне о продвижениях с Дженни.

– Зачем?

– Я хочу знать.

– Зачем?

– Просто слушаться! Я так сказать!

– Я имею права хранить информацию втайне.

– Ты шутить? Я тебя ударить током.

Я никак не отреагировал, и она похихикала.

– Ладно, пока я не ударить. Но я сделать кое-что хуже. Я пожаловаться Вышке на тебя, ну что, бояться?

Я нахмурился.

– На что вы хотите пожаловаться?

– Неважно. Он поверить любому моему слову. Ты меня понять? Любое продвижение. Теперь уходить.

Зелёный огонёк стал красным, Пер-АПА перешла по проводам в дверную панель.

– Пока-пока.

Я, озадаченный и непонимающий происходящего, а, в особенности, это существо, снова не стал задерживаться и ушёл.

Когда дверь за мной закрылась, я услышал голос Пер-АПА из панели:

– Даже не попрощаться! Грубиян.

И она ушла из сети.

Объект 213Г-Ш-Ш

Вечером я решил не идти на контакт с объектом 358А-Г-М. А, точнее, объектом Дженни. Я подумал и решил, что будет действительно лучше, если я буду знать имя объекта. Профессиональная провокаторша, хоть и со странностями, не посоветует того, что не действует.

Я заглянул в записи по объекту 213Г-Ш-Ш и понял, что мы действительно практически никогда не узнавали имён объектов.

Я зашёл в лабораторию объекта 213Г-Ш-Ш. Он плакал, сидя в темноте. В лаборатории я обнаружил Номер Два, которую не видел с тех пор, как мне дали объект Дженни. Мне казалось, Номер Два, которую вне лаборатории звали НиАР, избегает меня.

Я кивнул ей, когда поймал взгляд синих глаз. Номер Два не слишком дружелюбно кивнула в ответ.

– Ты мало работала в последнее время? – спросил я.

НиАР чаще всех остальных провокаторов работала со мной. Не то, чтобы я её устраивал, как Номер Один, но за работу, которую многие не хотели брать, а именно, за работу со мной, ей платили больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.